

2020-й: что это было? 100 недоответченных вопросов

Фонд «Петербургская политика» представляет вашему вниманию продукт «2020-й: что это было? 100 недоответченных вопросов»

Он подготовлен в необычной форме. Авторы сделали акцент не на собственной концепции, а на необходимости реконструировать итоги года через выявление вопросов, по большинству из которых так и не прозвучало однозначных ответов.

В одних случаях отсутствие ответов было связано с очевидной «прерывистостью» года, в течение которого форс-мажорные события (особенно связанные с пандемией) сменяли друг друга, а прежние тренды не получали внятной развязки. В других – с работой средств массовой информации, сотрудники которых подчас были вынуждены общаться со спикерами в удаленном режиме, приостанавливать выход изданий из-за карантина. Сказалась и роль в информационном пространстве телеграм-каналов, часто предлагающих обилие ответов еще до того, как читатель сформировал вопросы – и легко переключающихся между темами. Сам их формат не предполагает долгого обсуждения той или иной темы, поддержания обязательной обратной связи с управленческими элитами и экспертным сообществом. В результате происходит колоссальное «забвение» целых пластов событий текущей повестки. Достаточно вспомнить, что год начался разогревом ожиданий «мировой войны» из-за конфликта на Ближнем Востоке, а закончился почти не замеченным в России серьезным сближением Израиля с большим количеством арабских стран.

Авторы исходят из того, что постановка таких вопросов особенно актуальна в середине декабря, когда публикуются разнообразные статьи, интервью, исследования, посвященные итогам года. Попытка ответить на них представляется крайне полезной с точки зрения осмысления итогов одного из самых атипичных периодов в современной российской и мировой истории, не сводящегося к публицистическим и идеологическим штампам.

Конституционная реформа (15 января – 1 июля)

1. Было ли заранее спроектировано обнуление или что-то пошло не так?
2. Зачем и за что уволили Медведева и распустили правительство?
3. Была ли целенаправленная попытка посмотреть в январе, кто ярче других будет предвкушать трансфер и транзит?
4. Является ли фактический запрет на разговоры о транзите и трансфере после 2024 года окончательным?
5. Что произошло с Медведевым – он выведен из игры или из-под удара?
6. Против кого направлен запрет на участие в президентских выборах постоянно проживавших за границей лиц?
7. Повлиял ли характер голосования по Конституции на восприятие в обществе официальных результатов выборов?
8. Что стояло за разговорами о проведении досрочных выборов после голосования за поправки?
9. Какие институты кроме президента усилились в результате конституционной реформы?

10. Зачем нужно утверждать членов правительства в Госдуме – против кого направлена эта мера?
11. Появляется ли смысл в работе Госсовета или по-прежнему нет?
12. Чем была обусловлена 6-летняя пауза в заполнении президентской квоты в Совете Федерации, закончится ли она теперь и позволит ли это частично преодолеть нынешнюю периферийность СФ?
13. Какой эффект дала реализация социальной части январского Послания президента?

Формирование правительства Мишустина (16-21 января)

14. Можно ли считать, что увольнение Медведева было нацелено на снижение антирейтинга власти накануне голосования по Конституции?
15. Был ли (и стал ли) Мишустин политическим тяжеловесом?
16. Если да – то пришел ли он к этому осознанно (православие, хоккей, PR) или выделился как раз отсутствием внешних амбиций?
17. Сохранили ли влияние наиболее значимые из чиновников, покинувших Белый дом в январе?
18. Насколько профессионально в глазах управленцев вело себя правительство в период пандемии (в том числе в сравнении с мэрией Москвы)?
19. Чем в реальности отличаются стили работы кабинетов Медведева и Мишустина?
20. Действительно ли удалось резко сократить сроки прохождения документов и согласовательные процедуры?
21. Почему Мишустину в публичном продвижении позволено больше, чем его предшественникам?
22. Зачем была нужна осенняя ротация в кабинете министров в не самых проблемных сферах?
23. Стала ли она продолжением тренда на приход поколения «наследников» из числа членов семей российского истеблишмента?

Пандемия коронавируса (карантин с 28 марта)

24. Можно ли считать, что приоритетом российской власти было желание показать, что власть не бездействовала?
25. В условиях дискуссий о достоверности данных об инфицированных имелась ли у власти альтернативная («скрываемая от общества») статистика или чиновники оперируют теми же данными?
26. Насколько политически допустимым является сокрытие статистики?
27. Является ли обнародование данных «параллельных подсчетов» элементом давления в пользу принятия ограничительных мер или просто следствием издержек официальной статистики?
28. Каковы причины более высокой смертности от пандемии в России в сравнении с другими странами?
29. Данные из каких регионов вызвали больше всего вопросов (республики Северного Кавказа, Краснодарский край и т.п.)?
30. Каких примеров больше – попыток занизить число инфицированных или завянуть, предлагая родственникам умерших от других заболеваний деньги за оформление диагноза «коронавирус»?
31. Как будет публично реагировать власть на цифры смертности – скрывать их, размывать тему или подчеркивать степень остроты угрозы, которую преодолевали карантинные меры?
32. Имела ли место внутри российской власти борьба между сторонниками и противниками карантина или решения принимались спонтанно?
33. Удалось ли чиновникам демонстрировать эмпатию в период введения ограничительных мер?

34. Считает ли российская управленческая элита, что объем оказанной гражданам и экономике финансовой помощи был достаточным?
35. Как изменились процедуры принятия и лоббирования решений в условиях сокращения очного общения?
36. Чем объясняется отказ от вакцинирования Владимира Путина?
37. Как изменился Сергей Собянин, почувствовавший себя «спасителем» от коронавируса?
38. Роль губернаторов – выросла ли в условиях децентрализации принятия карантинных решений или упала, поскольку все решал Роспотребнадзор, а отвечали главы регионов?
39. Ждет ли российская власть перелома в общественных настроениях после завершения пандемии и в чью пользу такой перелом может сыграть?

Колебания рейтингов власти

40. Существуют две точки зрения – о том, что 2020-й год почти не отразился на рейтингах власти, и о том, что (с поправкой на изменение методики опросов) 2020-й продолжил новый цикл падения рейтингов, начавшийся летом 2018-го?
41. В какой степени власти удалось продемонстрировать эмпатию?
42. Насколько остро проявился спад уровня жизни и как это отразилось на отношении к власти – выросло раздражение или власть стала восприниматься как плечо, к которому можно прислониться?
43. Чем объясняется относительно благоприятная рейтинговая динамика Мишустина?
44. Справедливы ли утверждения о том, что весной вырос интерес к работе глав регионов и их рейтинг – или, наоборот, правы те, кто говорит о резком снижении рейтингов, особенно Собянина и Беглова?
45. Победы технических кандидатов на муниципальных выборах – новый тренд или продолжение логики победы на губернаторских выборах Коновалова и Сипягина?

Отравление Навального (20 августа) и борьба с иностранными агентами

46. Почему российское общество и элита быстро забыли об инциденте с Навальным – было ли это результатом информационной кампании со стороны государства или иными причинами?
47. Стали ли события вокруг Навального проявлением «расширения границ допустимого» - в том числе во внутриэлитных конфликтах?
48. Чем объясняются существенные изменения в действиях российской власти – демонстрация максимальной озабоченности в начале кризиса и последующее притягивание обвинений на себя после отъезда Навального?
49. В чем причина отказа в возбуждении уголовного дела по поводу происшедшего?
50. Действительно ли российские чиновники считают происходящее результатом зарубежной провокации и возможны ли в реальности провокации такого масштаба?
51. Насколько пандемия и американские выборы ударили по попытке позиционировать Навального в качестве «российского политика №2»?
52. Окончательно ли ушла с повестки дня тема нейтралитета Навального при голосовании по поправкам?
53. Вышел ли Навальный из политического 2020 года в минусе?
54. Чем объясняется последовавшее вслед за делом Навального усиление борьбы с «иностранными агентами» - идет ли речь о реальной вере в рост подобной угрозы, неуверенности в прочности позиций власти на выборах-2020 или попытках поставить под сомнение политическую и электоральную управляемость внутри аппаратной интриги?

Арест губернатора Хабаровского края Сергея Фургала (9 июля)

55. Был ли арест Фургала сигналом о возвращении зачисток элит, способом передела собственности в Хабаровском крае (Если не то и не другое, то в чем причины происшедшего)?
56. Почему коммунистам не позволили сохранить за собой Иркутск, который они завоевали, а получившая по той же схеме Хабаровск ЛДПР добилась назначения собственного врио?
57. Удачной ли оказалась тактика непротиводействия еженедельным протестам в Хабаровске?
58. Повлияли ли волнения в Хабаровске на оценку федеральным Центром результативности политики поддержки Дальневосточного региона?

Реформа институтов развития (23 ноября)

59. Кто в итоге стал (или станет) бенефициаром реформы институтов развития?
60. Игорь Шувалов как глава ВЭБа действительно стал главной фигурой в управлении институтов развития – или реформа сделана не под него?
61. Зачем было столько лет держать Анатолия Чубайса во главе «Роснано» и увольнять его теперь?
62. Что для российской власти институты развития – реальные инструменты развития страны, способы более управляемого перераспределения денег или механизмы выстраивания компромиссов с элитными группами?
63. Готово ли правительство всерьез спрашивать за результат с обновленных институтов развития с учетом того, что публичная оценка работы прежних так и не была дана?

Цифровизация как новая скрепа

64. Влияет ли распространение массовой цифровизации на характер общественного уклада, социального строя?
65. В состоянии ли государство проанализировать и переварить объем данных, поступающих благодаря цифровизации?
66. Будет ли цифровизация сопровождаться одновременным закрытием публичного доступа к данным о жизни чиновников и силовых структур?
67. Как цифровизация соотносится с тревогами части элит относительно избыточной «прозрачности» данных в интернете и с акцентом на укрепление традиционалистских основ в жизни общества?
68. Не является ли избыточной оценка влияния соцсетей – особенно с учетом роста запросов их пользователей на дальнейшее упрощение контента?
69. От каких болезней цифровизация не является панацеей?

Выборы президента США (3 ноября)

70. Каковы были и остаются цели Москвы в отношениях с Вашингтоном?
71. Что является приоритетом для России – урегулирование противоречий, нагнетание противоречий, присутствие в мировой повестке, демонстрация собственному населению роста активности РФ на международной арене и недружественных выпадов в ее адрес со стороны других стран?
72. Действительно ли обе стороны искренне считают виновником обострения отношений друг друга?
73. Как повлияет смена власти в Белом доме на отношения со странами, чувствительными к колебаниям американской внешней политики (Китай, Израиль)?
74. В какой степени содействие США российской оппозиции является реальным, а в какой – декоративным, не связанным с большими ожиданиями ее успехов?
75. Возможно ли будет манипулировать поведением РФ, используя ее чувствительность к интонации и тональности комментариев в свой адрес?

Выборы президента Беларуси (9 августа)

76. Стали ли белорусские события сюрпризом для ключевых игроков (Москва, Брюссель, Вашингтон)?
77. Как можно объяснить продолжительность белорусского протеста, который (в отличие от хабаровского) пока не выдыхается?
78. За счет чего Лукашенко удастся избежать раскола местной элиты?
79. Простила ли Москва Лукашенко торможение попыток создания единого государства и арест бойцов ЧВК?
80. Что сдерживает руководство России от попыток присоединения Беларуси?
81. Какие варианты действий у Москвы для того, чтобы избежать ощущения геополитического поражения в Беларуси?
82. Насколько результативны были попытки Лукашенко опереться на поддержку Пекина?
83. Отвлекли ли события в Беларуси внимание Москвы от происходящего в Украине?

Война в Нагорном Карабахе (27 сентября – 10 ноября)

84. Что произошло – Москва добилась заключения мира или заведомо действовала в связке с Баку, чтобы отомстить за революцию в Армении?
85. Действительно ли прошлая смена власти была болезненной для Москвы – ведь она почти не реагировала на эти события, когда они происходили?
86. Является ли уступка Турции части влияния на постсоветском пространстве осознанной стратегией или вынужденным ходом – и если это не было запланировано, то как Анкаре удастся давить на Москву?
87. Является ли присутствие российских войск в Карабахе символически значимым для Кремля или это скорее техническое действие по поддержанию мира?
88. Правомерны ли предположения о том, что Россия еще предъявит Баку счет за свое подключение к конфликту?
89. Было ли для России психологически сложным игнорирование инцидента с вертолетом?
90. Можно ли утверждать, что российское общественное мнение восприняло войну как чужую и не проявило большого интереса к подключению России к урегулированию ситуации?
91. Сохраняется ли склонность общественного мнения и медиа в большей степени симпатизировать Еревану, нежели Баку?

Отношения России и Китая

92. Могут ли пандемия и смена американской администрации привести к снижению взаимного притяжения между Москвой и Пекином?
93. Почему Китай раньше России признал победу Байдена?
94. Являются ли утверждения критиков об избыточной ориентации России на интересы Китая в мировой политике проблемой для Москвы и насколько обоснована такая точка зрения?

Российская политика на Ближнем Востоке

95. Остаются ли боевые действия в Сирии приоритетом для РФ?
96. Не происходит ли постепенного их размывания в повестке дня?
97. Остается ли кампания в Сирии предметом интереса и гордости общественного мнения?
98. Нет ли контраста в результатах боевых действий с участием России в Сирии и в Ливии?

99. Правомерно ли говорить о попытках Анкары создать противовес российской вовлеченности в Сирии и особенно в Ливии?
100. Настроены ли российские власти воспользоваться возможным охлаждением отношений Вашингтона и Иерусалима после смены администрации США и как именно?